

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ В СОЦИОЛОГИИ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ?

ИЛЬИН Виктор Васильевич — доктор философских наук, профессор философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Социология как стандартная наука

Организуясь согласно эталонам науки, социология имеет развернутую референциальную систему, образованную эмпирическим ($B_э$), теоретическим ($B_т$), операциональным ($B_о$) базисами, $B_э$ — множество фактов, опытных данных, индуктивных законов; $B_т$ — совокупность идей, концептуальных схем, абстрактно-логических сочетаний; $B_о$ — набор экспериментальных процедур, методов, способов эмпирического опробования знания. В рамках своей компетенции как фундаментального знания социология имеет дело с умопостигаемым миром — пространством предельных модельно-аналоговых форм, искусственных конструкций, условностей, допущений, которые воспроизводят, имитируют свойства, поведение наличных структур в некотором порядке приближения. Последний задан мерой отвлечения от конкретики, инициирующей построения разного уровня абстракций — от макетов «малых групп», «факторов», до концепций «идеальных типов», «социальных суперсистем».

Эпистемологическая природа концептуальных каркасов обеспечивает принятие такого объектного содержания, которое в рамках научной теории обуславливает универсально-аподиктический тип рассмотрения. Суть в том, что абстрактные объекты вводятся посредством интенционального задания некоторых признаков изучаемых элементов, каковые в виде предмета исследования они репрезентируют. «Материальная точка» соответствует «точечной массе», «респондент» коррелятивен «субъекту», выступая представителем и заместителем вполне определенной черты эмпирических объектов «иметь массу» или «иметь гражданскую позицию» (безотносительно к размерам и форме тел в процессе движения и безотносительно к социально-политической мотивации выбора). Объекты социологии как науки, — тождественные формы, соответствующие обособленно-односторонним свойствам, рассматриваемым в качестве идеальных предметов в чистом виде, универсально. По этой причине формулировки социологии «надмирны»: у них нет непосредственных прототипов-референтов. Частная социологическая теория изучает социальные общности как в себе организованные, упорядоченные образования. В той мере, в какой конструктам и их совокупностям удастся принимать эмпирические значения, в той мере, в какой они могут быть осмыслены как реконструкции, репрезентации особенностей реального мира, они воспринимаются как некие «отображения» реальности. Весьма деликатный вопрос — объективация концептуальных каркасов, сообщающая онтологический статус мыслительным построениям. Говоря об этом, укажем на непреходящую роль картины мира, $B_э$ и $B_о$, участвующих в реификации знания.

Объективация производится двояким образом — через проекцию на картину мира и через эмпирическую интерпретацию, верификацию, метризацию. Соотнесение систем компонентов $B_т$ с картиной мира означает подведение их под циркулирующие в культурах общезначимые образы бытия, связанные с теми или иными гипотезами существования, онтологическими допущениями, каузальностью и т.д. Функцию опосредования картин мира и теории выполняют:

а) субстантивные постулаты, представляющие утверждения с квантором всеобщности и приписывающие некие свойства действительности (описание феномена «организации» в социологии организации опирается на внедрение в состав бытия тенденций автономизации, изоморфизации, адаптации);

б) транзитивные определения, переводящие признаки, атрибуты фрагментов B_T на фрагменты картины мира с последующим их отождествлением (истолкование «респондента» как «полномочной и правомочной социальной единицы»). Вопрос правомерности, адекватности подобных идентификаций обостряется в парадигмальные периоды, стимулирующие рефлексию, критику традиционных моделей (корректность схемы «идеальных типов», состоятельность идеи рационально-этического генезиса капитализма и т.п.).

Семантическая онтологизация в створе содержательной реификации концептуальных каркасов — важная, но не исчерпывающая составляющая объективации; для дистанцирования от наивного реализма, символизма, натурфилософии, действующих сходно, применяется эмпирическая интерпретация (верификация). Одно дело путем операций расширяющего синтеза ввести абстракции. Другое дело — иметь гарантии их состоятельности. Последнему подчинена процедура исключения абстракций, препятствующая появлению синдрома Пигмалиона. Решая проблему репрезентативности идеализаций в наглядно-операциональном плане, эмпирическая интерпретация, метризация, верификация проясняют вопрос предметного содержания концептуальных каркасов (планетарная фактическая необеспеченность центральной формулы научного коммунизма: «богатства польются полным потоком» и «каждому — по потребностям», фальсифицирующая доктрину «светлого будущего»).

В ходе проверки из него выводятся следствия, представляющие конструкторы — логические уникалии, абстракции менее высокого порядка. С точки зрения операционального статуса, они — эмпирические схемы, характеризующие опытные объекты конкретного класса. Они получаются из B_T дедуктивно, но могут быть извлечены из опыта и индуктивно — посредством вывода экспериментальной зависимости, установления регулярности в статистической обработке наблюдений. Возможность проекции B_T на B_0 — в переходе от абстракций (логических уникалий) к чувственно-наглядным объектам экспериментальной практики, осуществляемом в рамках B_0 при совмещении логических уникалий с эмпирическими схемами через использование операциональных определений и правил соответствия.

Эмпирические схемы — не непосредственные операциональные процедуры, устанавливающие связь формульных величин с опытом, а описания как бы потенциальных процедур, соответствующих реально разрешаемым теорией. (B_0 эмпирической социологии — постулаты адекватности свойств тестирующей аппаратуры, респектабельности методик, репрезентативности выборок при проведении полевых исследований.)

Смысл правил соответствия — в замещении реального экспериментирования мысленным с последующим сопоставлением объектов теоретического и эмпирического уровней анализа. Операциональные определения социологии вводятся не через систему конкретных действий с аппаратурой, а через систему семантических презумпций, связанных с репрезентантами, выборками. «Репрезентант», «выборка» — конструкторы, входящие в B_T , и одновременно — эмпирические понятия, возникшие как идеализации операций реальных опытных исследований.

Итак, на ступени развитой науки формирование знания идет как последовательная концептуальная универсализация объектов теоретического мира с последующей их онтологизацией и операционализацией. При всей справедливости данной мысли не обойти вопроса о ее адекватности применительно к социологии. Если познание в науке управляется началом объектности, то как стимулирует оно выполнение социологией своих специфических задач как дисциплины гуманитарной? Ведь превращение социологии в социальную физику означает элиминацию из рассмотрения вопросов субъективности с тематическим сдвигом с человеческой, экзистенциальной, персонально-

жизненной «репрезентативности» на расчеловеченную, безжизненную, объективно-логическую «репрезентативность».

Между тем подобный сдвиг во всех отношениях неправомерен. В позитивности своего интереса социология нацелена не только на государство, но и на гражданина (политическая социология), не только на человечество, но и на человека (общетеоретическая социология), не только на род, но и на индивида (социология групп), не только на социальность, но и на личность (социология культуры), не только на среду, но и на личность (социология воспитания).

Правила задания типового концептуального мира не ориентируют на познавательное освоение «индивида». Традиционная наука бессубъектна, деперсонализирована, но что в этом хорошего? Выдерживая высоты теории, подтягиваясь к науке, стандартная социология деформирует субъекта, проходится по нему катком абстракций отождествления, приемами идентификации. Однако изгнанный в дверь, субъект рвется в окно. При концептуализации мирожизненных реалий социологии не избежать индивидоцентричных контекстов, эксплицирующих, почему в ситуации «X» с участием действующих лиц «Y» имело место «Z»: Родовые признаки, регулярности, инварианты, типы, расчеловеченные концепты оказываются бесплодными, недостаточными.

Оправдан, следовательно, поворот от объектной стандартно-научной социологии к социологии субъектосодержащей. Перспектива его связывается с проектом антропосоциологии.

Антропосоциология

Гуманитарная субъектосодержащая, индивидоцентричная антропосоциология комбинирует не с абстрактными носителями отрешенных «признаков», а с персональностями, утверждающимися по экзистенциальным целям. Она становится телеологичным, герменевтическим знанием, имеющим архитектонику:

1. Фундаментальная теория — ассоциация общих и частных стандартных социологических теорий.

2. Антропоцентричная квазитеория двух уровней:

- а) описание типов — ареалы субъективности;
- б) описание лиц — деяния индивидов.

Раздел (1) гносеологически дублирует аналогичные разделы негуманитарных наук. Здесь концентрируется слой типизаций — универсальных утверждений, получаемых применением идентификаций, абстракций отождествления: чередуемость, инвариантность, реставрируемость, воспроизводимость признаков, «факторов», обусловленных естественной необходимостью.

Раздел (2) включает два сегмента. Один — формулировки о структурных отношениях, схемах типов, формально-динамических характеристиках поведения, идентичности в границах устойчивых континуумов признаков. Другой — суждения о персональном локале, экзистенциальной конкретике, обслуживающие ситуационное присутствие личностного начала.

Поскольку с первым разделом более или менее ясно: он — средоточие универсалий, что в силу правила обратной зависимости теоретического и личностного в сознании (чем значительнее удельный вес первого, тем незначительнее удельный вес второго) существенно поднимает планку теоретичности социологии, сконцентрируем внимание на разделе (2). Первый уровень антропологической квазитеории (префикс «квази» — для обозначения неточности, нестрогости, неаподиктичности суждений) предполагает задание ареалов субъективности. В общем случае (минуя оценку частных исполнений вроде теорий психологических, сексуальных, политических, культурных и т.п. типов) выполнение этой задачи связано с последовательным возвышением мысли от содержательно бедных фиксаций неких поверхностных проявлений субъективности до развернутого понимания ее сущностного назначения. Здесь обособливаются фазисы:

- «графия» — артикуляция субъективности в феноменологических теориях, полупырических констатациях наподобие веберовских, фрейдовских, юнговских типологизаций;

- «логия» — отличающая деятельность в рамках B_r сущностная проработка природы субъективных типов — движение от атрибутивных B_e регистрации, фиксаций в сторону процессуальных моделей (веберовская модель социальной динамики от традиционной к рациональной организации):

- «гония» — концептуализация генезиса, возникновения, становления субъективности. Применительно к «гонии» имеется явный дефицит идей. Причина — характер субъективности как особой телеологической субстанции, в отношении себя не решающей «откуда», «зачем», «почему». Кто мы такие по природе своей, решают те, кто до нас и после нас. Предшествующие нам отягощают нас онтогенетикой (шлейфы «семьи», «школы», «эпохи»); наследующие нам (представители наследства и наследия) удостоверяют цельность, состоятельность, завершенность нашего явления в мир (реконструктивные онтогенетические проработки с неременной апелляцией к широко толкуемым «хронизму» и «биографизму»);

- «софия» — головоломный метауровень, рефлектирующий вопросы цели, назначения субъективности как таковой. Если человек для истории завершаем всегда, то человечество — никогда. Оно есть ничем не лимитируемый имперфект. Задать смысл, приписать значение, вывести предназначение субъективности возможно *post factum*. Но никакого *post factum* в случае человечества нет. Мы встроены в историю и лишены способности выйти во вне: позиция стороннего наблюдателя для представителя человечества по отношению к человечеству недостижима. Отсюда по части «софии» — сугубо не критическая практика, в перекрытии опыта стремящаяся овладеть трансцендентным. Таков, скажем, гегелевский социософский ортогенез, наивные финалистские, провиденциалистские, эсхатологические доктрины истории (хилиастического, коммунистического, либерально-рыночного толка).

Смысл человечества выводим не извне, а изнутри его бытия на базе фиксации капитальных для него ценностей. К ним, пожалуй, относятся: а) продление существования и б) обретение совершенного существования. Тематизация этой сферы подводит к убеждению: нетрадиционная социология оказывается не только антропо-логичной, но аксиологичной наукой: в прямом смысле слова она является универсальной теорией ценностей жизни. Так как ценность человека, лишь интенция на человеческую ценность делает жизнь ценной; ценность жизни — в воплощенноеTM в ней фундаментальных социальных констант [1]: гуманитарных абсолютов. Свернутое их понятие, обобщенно-объемный образ вводится трихотомией Истина—Добро— Красота. Расчленение Истины и Добра влечет инструментализм. Нынешнее состояние человечества ущербно, ибо инструментально. Разъединение Добра и Красоты дает авангард— превращенную реакцию на бездуховное существование. Современная точка мировой линии человечества несовершенна также и потому, что авангардна — потребительски-бездуховна.

Будущая общесоциологическая парадигма ранга «софии» оконтуривается по вектору соединения «органицизма», «экологизма», «всеединства». Ценно уникальное, а не тиражируемое (предел инструментализма, механицизма). Геоусловия существования человечества хрупки, самоценны (предел инструментализма, консьюмеризма). Мир плюралистичен, полифоничен, объединенные в нем особи, культуры, национально-государственные формирования самодостаточны, взаимопроницаемы (предел редукционизма, линеаризма).

Второй уровень антропологической квазитеории — описание лиц — сосредоточен на артикуляции деяний индивидов. Взятый единственно, индивид как таковой — всегда тайна, загадка, проблема; сам по себе он нерационализируем и неконцептуализируем. Однако, причастность к человеческому делает его внутренний мир понимаемым. Поскольку живут и толкуют жизнь более или менее схожие люди, в отношении партикулярных пластов субъективности вполне оправдан вопрос о характерных

приемах их идентификации. В качестве подобных видеоопределяющих приемов идентификации нерелефлируемых комплексов интеллектуальной, эмоциональной и моторной природы укажем на партиципацию, синхронизацию, эмпатию.

Партиципация, с гносеологической точки зрения, представляет особый тип умозаключений «по части о целом», дополняет и замещает в экзистенции традиционную импликацию, организующую мысль по схеме «часть из целого». Трансцендентальное сознание крепится на каузализме — причинно-следственный схематизм, аналитическое рассечение предметов, обособление факторов, оснований. Экзистенциальное сознание концентрируется на случайностях, деталях, приводит в движение не логику, а чувство, генерирующее синтетическую оценку обстоятельств в обход каузальных онтологических и семантических рассечений.

Эмоциональная нюансировка, являющаяся эпифеноменом жизненных контекстов, в реакции на нее активизирует генетически наиболее древние формы видového опыта, подключающие к «безошибочным» стереотипным действиям. Они-то и проводят индексацию и селекцию предъявляемых экзистенциальных (поведенческих) фигур с позиций «запрограммированных» их восприятий как изначально «положительных» или «отрицательных». Так, можно «вдруг» почувствовать, что любовь «из ничего» возникла. Также можно «вдруг» ощутить, что она «из ничего» прошла. Роль этого «ничего» — многообразных мелочей, второстепенных неприметных черт, замечаний, ужимок, ремарок, невзначай брошенных взглядов, жестов как декора коммуникации — кардинальна. Весьма проницательно ее описал Толстой.

Его герой в «Крейцеровой сонате», восстанавливая причины человеческого разъединения с собственной некогда любимой супругой, заключает: «Ссоры начались из таких поводов, что невозможно бывало после, когда они кончались, вспомнить, из-за чего. Рассудок не поспевал подделывать под постоянно существующую враждебность друг к другу достаточных поводов». И далее: «Выходили стычки и выражения ненависти за кофе, скатерть, пролетку, за ход в винте. — все дела, которые ни для того, ни для другого не могли иметь никакой важности... Я смотрел иногда, как она наливала чай. махала ногой или подносила ложку ко рту, хлопала, втягивала в себя жидкость, и ненавидел ее именно за это, как за самый дурной поступок» [2].

Практикуемая в экзистенции «некритическая» гиперболизация нюансов задает водораздел между дискурсивной причинностью и недискурсивной партиципативностью; суть в том, что в одном случае рассуждения разворачиваются в плоскости «человек в мире», в другом — «мир в человеке».

Синхронизация — очередной тип некаузальной семантической связи на базе ситуационной логики, объемного видения обстоятельств, когда, вспоминая буддистов, в одной вещи усматривается три тысячи вещей. Экзистенциальное бытие дискретно — квантуется по основанию персональной значимости «тогда-то там-то произошло то-то». Реконструктивной его моделью является образ «бытие-вот-в-месте». Согласно такому углу зрения радикализуется статус мгновения — момента, который выступает формой узаконения важных для меня жизненных интервалов.

В эпическом театре интерес прикован к разворачиванию сюжета, в драматическом — к развязке. Синхронизация есть вариация драматического театра, сосредотачивающаяся на исход-финале. Каждый исход-финал — олицетворение святая святых экзистенциальных локалов, в существе своем постигаемых особой ситуационной логикой — логикой *fortier in re suaviter in modo*. Это некий тип духовного познания, — минуя рационализацию, категоризацию, артикуляцию, — с кристаллизацией эмоционального знания, усматривающего достоверность самоочевидным образом на поверхности вещей.

Такова экзистенциальная коммуникация, не требующая критики, дискурсивной проработки, предикативного восстановления. В противоположность рациональному, эмоциональное знание личностно. Оно формируется непосредственно в общении, когда личность по множеству едва уловимых нюансов отдает отчет о сущности происходящего. Так, чаще всего человек «знает», что ему доверяют (не доверяют),

верят (не верят) и т.д. Проистекая из комплексной оценки реально переживаемой ситуации, это знание не дискурсивно, не подлежит генерализации, трансляции на аналогичные прецеденты. Скажем, заведомо неопределенной и даже нелепой выглядела бы попытка генерализировать (рационализировать) знание о предназначении, величии, нищете человека, героике и тщете его деяний и т.п.. спонтанно возникшее в ситуации «Пьер Безухов—Даву», когда «бескомпромиссный завоеватель» против всех правил дарует свободу поджигателю Москвы и бунтовщику.

В данном случае, как и в идентичных ему, правильно говорить о знании-понимании на основе непредикативно-символических форм (чеховский подтекст), которые не могут находить дискурсивно-логического выражения. В этом отношении минимальным условием возможности предикативной деятельности, связанной с получением в качестве итогового результата дискурсивного знания, является способность фиксации когитальных актов в естественном языке; язык и возможность им пользоваться во всех обстоятельствах выступают нижним порогом человеческой рациональности.

Эмпатия. «Есть вещи, которые нельзя изъяснить... есть много того, что может только почувствоваться глубиной души» [3]. «Жизнь бесконечно полнее рассудочных определений, и потому ни одна формула не может вместить всей полноты жизни... рассудочные определения всегда и везде подвергаются и будут подвергаться возражениям» [4].

Один из характерных способов замещения развернутых рациональных доказательств в экзистенции — эмоциональное постижение существа ситуации на базе персональной идентификации, сочувствия, сопереживания. Это те мгновения откровенной глубины, когда мировой и духовный порядок открывается человеку как прозрачная полнота сущего. Формой ее выявления в обход логоцентризма и является эмпатия, на поверхности выступающая как свертывание рефлексивного потенциала, а при более пристальном рассмотрении — как развертывание особой совестливой рефлексии — *recueillement*, возбуждающей «чувство интимности с бытием и людьми» (Марсель). Таковы авто- и гетеропрозрения и разоблачения, бытующие в жизни. Первый случай: проникновение—вчувствование, соитие—восприятие своего портрета Иннокентием X, который, испугавшись собственного изображения на картине Веласкеса, признался: «слишком правдиво». Второй случай: сознание тождественности, конгениальности, понимание того, что «Я и МЫ живут сообщественно, в горизонте общности, а именно в различных иерархизированных общностях, таких, как семья, нация, сверх-нация» [5], которые дают простор ценностным суждениям вида: «Я правду о тебе порасскажу такую, что будет хуже всякой лжи».

В отличие от предикативного модуса «*cogito*» в раскрывающемся через парти-ципацию, синхронизацию, эмпатию непредикативном модусе «*existenz*» истина определяется не через «соответствие», а через «совпадение». Смысл данных вариаций в дифференцировании референтов истины. Истина *cogito* соотносится с нечеловеко-размерным бытием самим по себе, потому несет независимое от субъекта объективное содержание. Истина *existenz* соотносится с человекоразмерным бытием для нас, потому несет субъективно значащее содержание. Истина первого рода передает причастность к реальности. Истина второго рода передает причастность к жизненной полноте.

Будучи моментом целого, вне которого она— необоснованное предположение, субъективная достоверность, истина науки оправдывает себя перед мышлением. Истина жизни черпает оправдание не только в мысли, но и в чувстве и сверхчувстве; во многом она — продукт инстинкта, снабжающего предчувствием, что некое «определение» имеет своим основанием внутреннюю природу или род вещей. Истина науки натуралистична; истина жизни — одухотворенна. Ценность научной истины в фундаментальности: ценности истины жизни — в духоподъемности, экзистенциальной емкости, способности быть созвучной вопросам человеческого существования. Истины науки вневременны, подводятся под типологию «всегда—везде»: истины жизни

ситуационны, сцеплены с пропускаемыми через связку «здесь—теперь» контекстами индивидуального бывания.

Истина науки адекватна, дескриптивно определена, безадресна, фиксирована в специальном терминологическом аппарате. Истина жизни может не характеризоваться адекватностью (в смысле *status rerum*), она может не быть и дескриптивно определенной (включать прескрипции); она адресна, фиксируется в именах собственных. Неадекватность, противоречие— приговор для науки и в то же время стихия для жизни. И логика народно-эпической сферы с ее сказаниями, былинами, притчевым материалом, назиданиями, сплошь и рядом сотканными из «неадекватностей» и «противоречий» («сказка— ложь, да в ней намек...»; «тьмы горьких истин нам дороже нас возвышающий обман» и т.д.), выполняющих очищающую, самопревозмогающую функцию, — прекрасное тому свидетельство.

Осмысление в пределах разумного обособления и разграничение истин *cogito* и *existenz* убеждают в двух вещах. Прежде всего в том, что познавательное отношение в человеческом существовании не исходно и не универсально. А затем в том, что жизненные цели, ценности, приоритеты — не компетенция теоретико-логического знания.

Стандартная теоретическая социология инструментальна. Б_т, Б_з, Б_о невосприимчивы к освоению мира жизни. Им безразлично, что такое жизненный мир. Все, что они хотят знать, это — как в мире жить.

Однако, если задуматься, как жить в мире, возможно и понять, каков мир. Отсюда стандартная социология перетекает в антропологическую. В контексте жизни бытие и выражающая его истина экзистенциальны, персонально одействованы, индивидуально прочувствованы, лично ангажированы. Поскольку здесь именно тот казус, когда человек выступает мерой всех вещей, существующих (что они существуют) и несуществующих (что они не существуют), постольку и рефлексия его (казуса) должна быть соответственной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Подробнее об этом см.: Россия: опыт национально-государственной идеологии. М., 1994; Философия политики. М., 1994.
2. Толстой Л.Н. Собр. соч. Т. 10. М., 1958. С. 294, 306.
3. Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. 4. М., 1952. С. 239.
4. Флоренский П. Столп и утверждение истины. М, 1990. С. 146.
5. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философии // Вопр. философии. 1986. № 3. С. 101.